

БЕЛЫЙ СВЕТ

Н. Кроноцкая

Нани Кроноцкая

Белый свет

«Автор»

2026

Кроноцкая Н.

Белый свет / Н. Кроноцкая — «Автор», 2026

Следователь с обожжённой душой, чья сила — пламя, а в сердце — лёд. Парфюмерша, чьи флаконы скрывают тайны её опального рода. Он охотится за вором, крадущим редкие артефакты. Она боится разоблачения. Петербургская зима вынуждает их сделать выбор: сгореть в безжалостном пламени запретной магии или найти спасение в рискованном союзе, где доверие возникает из боли, а любовь становится единственным шансом выжить. Нани Кроноцкая 2026

© Кроноцкая Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Шрамы	5
Глава 1. Лавка «Ароматы магии»	8
Глава 2. Досье фон Адельберга	13
Глава 3. Иней в тёплой комнате	17
Глава 4. Доверие на кончиках пальцев	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Нани Кроноцкая

Белый свет

Пролог. Шрамы

24 декабря, Рождественский сочельник. Десять часов утра.

В коридорах Особого отдела по магическим преступлениям было так неожиданно тихо, что Аристарх Мартынович Огнев слышал, как скребут мыши под полом, побулькивает вода в радиаторе водяного отопления и как за толстым стеклом окна воет северный ветер, гоняя по Гороховой улице колючую поземку. Такая тишина была здесь возможна только накануне большого праздника.

Весь город — от самых заснеженных крыш до каменных мостовых — замер в радостном ожидании. Извозчики красовались в новых, идеально отполированных калошах. Надменные шоферы моторов сменили кожаные кепи и куртки на обязательные волчьи шапки и полушубки.

В окнах домов виднелись силуэты ёлок, еще не зажжённых, но уже увешанных стеклянными шарами и золочёными орехами. С улицы доносился радостный гул — народ спешил завершить последние дела перед вечерней службой.

Все куда-то шли. Всех где-то ждали.

Его никто не ждал.

Аристарх сидел за своим массивным письменным столом, уставившись на маленькую бархатную коробочку, лежавшую поверх документов. Внутри неё, на белом атласе, тускло поблёскивал серебряный крест на алой муаровой ленте. Орден Святой Анны третьей степени. «За самоотверженность при исполнении служебного долга в приснопамятную ночь на Дворцовой площади». Посмертно. Потом, когда выяснилось, что старший следователь и надворный советник¹ Огнев всё-таки вовсе не умер, а только лишь ранен, орден его не забрали. Оставили.

Как шрам.

Его пальцы, холодные даже в тепле жарко натопленного кабинета, коснулись металла, и память швырнула обратно в ту ночь.

Или не в ту? Память штука коварная...

Смех той, прежней Сашеньки, тихо звенел, словно далекий колокольчик. Она ведь тогда приходила за ним. Аристарх успел только подумать, как же холодно ей в легком платье, даже зачарованном. И надо бы накинуть свою шинель ей на плечи.

И тут грянула ослепительно-белая вспышка, снова разрезавшая его мир пополам. Всепоглощающее давление, выворачивающее наизнанку нутро, кости, душу. Ощущение, будто его разрывают на части, стирают в порошок, сжигают в магическом пламени. Белая, чистая, беспощадная боль. Он упал тогда навничь, и снег под спиной ощутился уже не холодным, а обжигающе-липким, пропитанным его собственной кровью.

Заberi меня, Сашенька. Куда же ты, не уходи!

Тени сгустились над ним. Из кровавого тумана, плывущего перед глазами проступили вдруг лица, склонившиеся в напряженном внимании. На фоне пляшущего отблеска пожара они показались особенно бледными. Прозвучал мужской голос, измученный, но решительный, твердый: «Держи крепче. Еще немного. Здесь, у плеча. Видишь, осколок. Веду его, подхвати».

В ответ ему слышался женский, нежный и тихий, но полный такой сокрушительной силы, что, казалось, им можно сворачивать горы. «Я не отпущу его. И не подумаю».

И тепло. Странное, быстро пульсирующее тепло, идущее от их вздрагивающих ладоней. Оно мягко входило в разорванную плоть, сшивало, сращивало изнутри, тушило тот адский холод.

Красивые они были. Маги-целители... Он успел заметить алые отвороты черной шинели. И совсем юные. Практически дети...

Эти дети спасали людей, когда вокруг него рушился мир.

Аристарх крупно вздрогнул, отрываясь от холодного креста. Ладонь левой руки судорожно прижалась к занывшей груди поверх грубой шерсти форменного сюртука. Там, под тканью рубашки и плотной повязкой, скрывалась живая, всё еще не зажившая рана. Вот уже почти год, как она была с ним, терзая настойчивой болью, будто под ребра вшили осколок той ночи.

Врачи разводили руками. «Остаточная магия взрыва, Аристарх Мартынович. Материя хаоса. Она пожирает вашу собственную силу. Будем надеяться, что утихнет. Со временем... Или нет».

Он знал, что боль не утихнет. Она ежедневно разъедала его изнутри. По капле высасывала жизнь, оставляя лишь пустую и хрупкую оболочку.

Похолодевшими пальцами надворный советник и первый помощник начальника столичной сыскной полиции нервно смахнул коробочку с орденом в ящик стола. Глухой стук раскатился по пустому кабинету. Весь их отдел опустел ещё вчера. Кто укатил с семьями на дачи, кто засел по квартирам, готовясь к сочельничным гуляниям. Даже вечно дремавший в приёмной дежурный курьер выпросил отгул. *Даже приставленный к Огневу писарь-студент сбежал, будь он неладен. С дежурства в сочельник!*

Огнев мог бы тоже уйти. *Но куда?*

Домой? В ту самую пустую квартиру на Малой Морской, 19, куда он вот уже пять лет как боялся возвращаться? Где на туалетном столике его спальни до сих пор стоял флакон с её духами — «Белая сирень» от Брокера — и лежала брошь в виде изумрудной стрекозы, которую он так и не успел ей подарить? *Где каждая вещь напоминала о ней.*

Сашенька. Его милая, весёлая, бесстрашная Сашенька. Его сердце. Погибшая от рук всё таких же безумцев, мечтавших «очистить мир от магической скверны». Тогда их поймали, но поздно. Слишком поздно для них.

Аристарх резко встал, заставляя себя дышать ровно и глубоко. Боль в груди отозвалась ударом. *Нет. Лучшие здесь. Среди протоколов, досье и холодной, безжалостной логики фактов. Здесь он ещё что-то мог контролировать. Здесь он ещё был полезен.*

На столе лежало то самое новое дело. Папка серая, ничем не примечательная. Кража из частной коллекции вдовы горного инженера Ивоны Андреевны Полозовой. Совершена прошлой ночью, пока хозяйка была на благотворительном вечере. Сообщили в полицию только к утру.

Название украденного артефакта заставило Аристарха нахмуриться: «Горная слеза».

Он медленно раскрыл папку. Вложенный карандашный набросок, детальное описание. Довольно невзрачный молочно-белый кристалл кварца величиной с голубиное яйцо. Артефакт бытовой, третьего разряда. Свойства: при длительном ношении в оправе (кулон, брошь) создаёт вокруг владельца устойчивую иллюзию свежести, лёгкого румянца, блеска в глазах. Эдакий магический косметик для уставших светских львиц, желающих скрыть следы беспощадного времени и жестокой бессонницы.

Мило. Безвредно. Зачем это красть?

Пробежался глазами по описи всей коллекции Полозовой, приложенной к делу. Золотая брошь с огненными рубинами и зачарованной защитой от сглаза. Серебряная диадема с лунным жемчугом, умиротворяющим тревогу. Браслет из уральского малахита, обезвреживающий популярные яды... *Вещи куда более ценные, сильные. И все они оказались на месте. Нетронуты воров.*

Аристарх откинулся на спинку кресла, уставившись в расписанное морозом окно, за которым медленно гас сине-лиловый зимний день.

Почему? Почему именно «Горная слеза»?

Его охватило знакомое, щемящее чувство охотничьего азарта. Что-то значительное, тёмное должно было случиться. И непременно — в эту праздничную декаду, когда весь его город замер в ожидании чуда, а бдительность стражей порядка притуплена.

Аристарх Мартынович Огнев потянулся к тяжёлой бронзовой чернильнице и гусиным перьям. Рана в груди снова заняла, но уже с новой силой, будто умоляя, предостерегая его остановиться. Он привычно проигнорировал её. Развернул и подвинул к себе чистый, с гербом департамента, лист.

«Дело № 187-с от 24 декабря 190... года. О краже магического артефакта «Горная слеза» из частного собрания Полозовой И.А...»

Снаружи донесся счастливый, залиvistый девичий смех. Кто-то спешил домой, к теплу, к семье, к запаху праздничных ужинов.

Огнев даже не поднял головы.

Его миром теперь был этот сумрачный кабинет.

До Крещения оставалось двенадцать дней. Время, когда город будет жить в ином, волшебном измерении.

Дни, которые он мог посвятить только этому делу. Этой загадке.

И, как ему смутно чудилось, — своему последнему шансу.

У него есть ещё куча времени, и ему совершенно никто больше не будет мешать.

¹**Надворный советник** — гражданский чин 7-го класса по Табели о рангах в Российской империи, соответствовал чину подполковника в армии и капитана II ранга на флоте и давал право на потомственное дворянство.

Догадались? Да-да-да! «Белый свет» — новая книга в мире «Алой ленты». То самое продолжение цикла, о котором меня так просили. Историческое фэнтези, магический Петербург и герой, для которого правда — единственное спасение.

©Нани Кроноцкая 2026 специально для author.today

Глава 1. Лавка «Ароматы магии»

24 декабря, два часа пополудни.

Восьмая линия Васильевского острова в этот предпраздничный час была похожа на полноводную реку. По её широкому руслу между высокими, надменно молчаливыми домами неспешно текли окутанные клубами пара прохожие. Запахи — острый, хвойный дух ёлок, сладковатый дымок печных труб, пряный аромат новомодного пунша и жженки из распивочной на углу — смешивались в густой коктейль.

Но стоило войти в дом номер пятнадцать и открыть дверь с вывеской «Ароматы магии», как уличные запахи исчезали, словно их и не существовало. Им на смену приходило нечто другое. Царство ароматов Елизаветы Петровны Одинцовой.

Здесь царили сложные благоухания, созданные из самых простых и естественных ингредиентов истинным мастерством. Горьковатая и звонкая свежесть полыни, насыщенная сладость мирры, лёгкая и прохладная нота ирисового корня, тревожная и острая мелодия сандала и cedры. Эти ароматы не соперничали друг с другом, а гармонично сливались в неторопливый и изысканный узор.

Сама лавка занимала просторное помещение на первом этаже. Свет сюда проникал сквозь пару витринных окон, подёрнутых морозными узорами. От пола до потолка, богато украшенного лепными розетками, тянулись ряды застеклённых полок из тёмного дуба. На них стройными шеренгами стояли флаконы, склянки и баночки самых разных размеров и форм, из матового или тёмного стекла. Каждая — с аккуратной этикеткой, на которой каллиграфическим почерком было выведено: «Сон белой розы», «Гроза над Невой», «Первый Павловский иней», «Золото Летнего сада».

За высоким прилавком, под мягким светом зелёного абажура настольной лампы, стояла хозяйка. Высокая, стройная девушка в простом, но безупречно скроенном платье тёмно-серого шерстяного крепа с высоким, закрывавшим шею воротничком. Тёмные волосы, без единого намёка на завивку, были убраны в аккуратную причёску на затылке, открывая чистый, ясный лоб и тонкие черты лица.

Перед ней на бархатной подложке располагались несколько стеклянных флаконов. Её изящные длинные пальцы держали тончайшую стеклянную пипетку. Девушка за прилавком соединяла жидкости с такой сосредоточенностью, что, казалось, она не просто видела материальный мир, а улавливала невидимые связи между ароматами. Капля за каплей. Её движения были такими точными и осторожными, словно она не смешивала эссенции, а создавала хрупкую магическую структуру тончайшего артефакта.

Колокольчик над дверью нервно звякнул, впустив порыв морозного воздуха и даму в роскошной собольей шубке, от которой повеяло ароматом изысканных духов «Фужер» от Houbigant. В тёмных глазах посетительницы читалось явное нетерпение.

— Душа моя, вы меня просто с ума сводите ожиданием! — её голос был гулким и громким, а тон говорил о привычке повелевать. Княгиня Вера Павловна Шевлягина была одной из самых постоянных и, безусловно, самой капризной клиенткой Елизаветы. Её ухоженное, всё ещё красивое лицо нисколько не портили тонкие морщинки у глаз и даже складки привычного недовольства в уголках рта. Теперь на нём явно читалась смесь упрёка и живейшего любопытства.

— Виновата, ваше сиятельство, — тихо, но без подобострастия отозвалась Лиза, откладывая пипетку. — «Первый иней» требовал дополнительной выдержки. Поспешись — и получишь не свежесть морозного утра, а лишь запах мятной отдушки. А это, согласитесь, совсем не то.

— Ну, показывайте, показывайте! — княгиня сбросила на резной стул муфту, не скрывая нетерпения, стянула лайковую перчатку и протянула холёную руку.

Лиза извлекла из-под прилавка завершённый флакон. Его стекло имело матовый молочно-белый оттенок, но при внимательном рассмотрении внутри можно было разглядеть крошечные мерцающие звёздочки. Аккуратно сняв пробку, девушка заменила её на наконец-ник с изящным позолоченным распылителем. — Позвольте, сударыня.

Лёгкая дымка окутала запястье княгини. Она поднесла руку к лицу, глубоко вдохнула, задержала дыхание... и её черты неожиданно смягчились. Исчезла обычная высокомерная линия губ. В глазах мелькнуло что-то детское, мягкое, преисполненное искреннего удивления.

— Боже мой... — выдохнула она, не отрывая взгляда от своего запястья. — Это... точно как тогда. Помните, я рассказывала? Утро после первого, настоящего заморозка в нашем новом имении, я вышла в сад... Воздух был таким чистым, колким, что щипало ноздри. И эта тишина... абсолютная. Вот именно это. Вы не просто угадали, вы это... нарисовали. Как будто даже голова проясняется. Вы волшебница, Елизавета. Настоящая. Нет, ну каков талант!

«Волшебница». Лиза сдержанно улыбнулась, принимая из рук клиентки новенький, хрустящий чек с красивой суммой.

Княгиня и не подозревала, насколько она была близка к истине. Роскошные ароматы были лишь поверхностным проявлением, изящным прикрытием. Настоящая, опасная и глубоко личная работа велась в подвале, куда не допускались посторонние. Там, среди реторт, горелок Бунзена и массивного сейфа с сырьём, она занималась не запахами, а сущностью веществ, их магической памятью и той самой «выдержкой», о которой упоминала.

«Первый иней» — это не просто аромат. Это квинтэссенция момента, эмоции, застывшей в каплях талой воды. Невинная, но изысканная магия. Идеальное прикрытие для того, что скрыто внутри.

Проводив княгиню почтительным поклоном, Лиза вздохнула. Лавка снова погрузилась в благоговейную тишину, нарушаемую лишь потрескиванием углей в камине, стоявшем в дальнем углу, и мерным тиканьем старинных настенных часов с маятником. И она уже собиралась вернуться к прерванной работе, как звонок над дверью прозвучал снова — на этот раз коротко и робко.

На пороге, в клубах морозного пара, стоял мальчишка-посыльный, одетый в заиндевшую шапку-ушанку, тулуп и валенки. Одной рукой он отмахивался от пара, а в другой держал конверт странной формы.

— Вам, барышня Одинцова, — произнёс он хриплым голосом, стараясь звучать солидно. — Лично в руки сказывали передать. Очень даже срочное.

Лиза поманила его пальцем и выложила на прилавок красивый рождественский пряник. Посыльный, явно обрадовавшись подарку, вручил ей письмо, схватил пряник и исчез за дверью.

Квадратный конверт был из хорошей, плотной, кремовой бумаги, но без герба или марок. Почерк на нём — угловатый и нервный, с резкими росчерками — был ей незнаком.

«Е. П. Одинцовой. Лично в руки. Срочно.»

И никакого обратного адреса. Мгновение подумав, Лиза достала из ящика изящный перламутровый ножичек для вскрытия корреспонденции и провела им по клапану.

Внутри лежал один тонкий листок. Текст письма был коротким и оттого ещё более тревожным.

«Многоуважаемая Елизавета Петровна.

Настоятельно прошу Вас изготовить в наискратчайшие сроки эссенцию с эффектом белого забвения. Требуется не просто успокоительный эффект, а именно ретушь, стирание навязчивых, болезненных воспоминаний. Основу желательно видеть кристаллическую, для стабильности и глубины воздействия.

О цене договоримся. Ответ прошу оставить у швейцара гостиницы „Англетер“.
К.С.»

Лиза медленно опустила листок. В горле пересохло, и пальцы предательски задрожали. «Белое забвение. Кристаллическая основа. Ретушь воспоминаний». К обычной парфюмерии это послание не имело никакого отношения. *Это был язык их круга, алхимической школы её отца. Школы, о которой, казалось, все давно забыли. Школы, которой не должно было существовать.*

Почерк... Она всмотрелась внимательнее. Острые углы букв «к», резкие линии «р». Что-то давно забытое, едва уловимое всплыло в её сознании, словно тень из прошлого. Это был отголосок тех самых времён, когда их дом был наполнен ароматами реактивов, книг и магии, а не страха. Мысль, как серебристая рыбка, ускользнула, не дав возможности её ухватить.

Рука Лизы дрогнула. Конверт упал на прилавок со звуком, который в тишине лавки прозвучал оглушительно-громко.

Не просто заказ. Это был знак. Кто-то знал. Или догадывался.

Звонок колокольчика над дверью на этот раз прозвучал совершенно иначе, властно вторгаясь в её беспокойные мысли.

В лавку вошёл мужчина.

Он был высок, но казался ещё выше из-за широты плеч и неестественно прямой спины. Тёмное, очень добротное, но заметно поношенное пальто было плотно застёгнуто на все пуговицы. Шляпу-котелок он снял одним резким, привычным движением.

Лицо посетителя было болезненно-бледным, словно вылепленным из воска, с глубокими синюшными тенями усталости под глазами и жёсткой линией плотно сжатых губ. Определить его возраст было непросто: вероятно, около тридцати лет, но тени на скулах словно стёрли все признаки молодости, придавая лицу странное выражение. Взгляд его был пронзительным и свинцово-серым, как петербургское небо перед снегопадом. Таким же холодным и лишённым малейших признаков радости.

Незнакомец неспешно и сосредоточенно изучал её лавку: полки, прилавки, камин, магические светильники между полками, лампу с зелёным абажуром. И наконец его взгляд прочно вцепился в неё. В Лизу.

В тот же миг она ясно почувствовала знакомую вибрацию, исходящую от самой его сущности. Ощущение было похоже на эхо далёкого и пугающего взрыва, на треск льда под ногами и на пронизывающий холод одновременно. Её пальцы, лежавшие на прилавке рядом с злополучным конвертом, неожиданно задрожали. Её тихая, скрытая магия, привычно дремавшая глубоко внутри, вдруг пробудилась, вызывая неясное и тревожащее чувство боли. Боли сочувствия. Сострадание.

— Елизавета Петровна Одинцова? — голос незнакомца был низким, немного хрипловатым, как будто простуженным. И сдержанный тон человека, не привыкшего расточать слова попусту.

— Да, именно... — ответила она, и собственное спокойствие удивило даже её саму. — Чем могу быть полезна, сударь?

Он сделал несколько шагов к прилавку. Его движения были скованными, будто каждое давалось ему заметным усилием, как будто он преодолевал невидимую тяжесть. Не снимая перчаток, незнакомец достал из кармана пальто небольшой, круглый лакированный жетон, мелькнувший в свете лампы матовым серебром и чёрной эмалью.

— Аристарх Мартынович Огнев. Старший чиновник Особого отдела по магическим преступлениям Столичной сыскной полиции. И у меня к вам есть несколько вопросов, сударыня.

Сердце у Лизы сделало странный кульбит — не упало, а словно замерло, сжавшись в ледяной комок где-то в районе желудка. Особый отдел по магическим преступлениям. Те самые

люди, которые когда-то пришли за отцом. Приехали ночью в глухом, тёмном фургоне. С обыском и ордером на арест.

Её рука дрогнула и потянулась к скрытому кармашку в складках платья, где лежал крошечный оберег — застывшая, как слеза, капля эссенции «Ледяного безмолвия», способная на несколько минут скрыть активную магическую ауру.

Резко, больно вонзив ногти в ладонь, Лиза всё же сдержала себя. Она теперь парфюмерша, и только. Запахи, эссенции, милые безделушки для дам.

— Отдел? — она нарочито нахмурилась, изображая вежливое, слегка озадаченное недоумение. — Я, кажется, не нарушала правил торговли или магического кодекса... Все мои эссенции прошли сертификацию в Академической палате...

— Речь идёт не о сертификации или нарушениях, — перебил он её, но мягко, без грубости. Его взгляд скользнул по рядам флаконов на полках, будто оценивая не товар, а улики. — Ваш товар, сударыня, уникален. Он создан не только на основе точных пропорций компонентов, но и с учётом... особых, тонких характеристик ингредиентов. Их магической подоплёки, если угодно.

— Всё сырьё сертифицировано, господин следователь, — повторила она, делая акцент на слове «сырьё». — Розы из Казанька, ирис корневой из Флоренции, амбра настоящая, серая...

— «Горная слеза», — неожиданно произнёс он, и это слово словно повисло в воздухе лавки, тяжёлое, как камень, брошенный в воду пруда. Огнев внимательно следил за реакцией Елизаветы, не отрывая от неё глаз.

Лиза, напротив, не сразу поняла, о чём идёт речь. Она только моргнула, и это движение было совершенно искренним. — Простите? Я не вполне...

— Кристалл. Магический артефакт третьего разряда, но с уникальной спецификой. Молочно-голубой, белый кварц. Был похищен прошлой ночью из частного собрания на Английской набережной. Сведения о подобных артефактах, их свойствах, возможных скупщиках или... — он сделал едва заметную паузу, — ...иных заинтересованных сторонах, входят в сферу моих непосредственных интересов.

«Иных заинтересованных». Стало ясно, что речь шла не о парфюмерии. Интересовала алхимия. И наверняка — криомагия. Но зачем скромной парфюмерше невзрачный бытовой кристалл? Первоначальный страх начал уступать место сосредоточенному любопытству. Что он знает? Что его привело сюда?

— Я работаю с эссенциями, господин Огнев, — сказала Елизавета чётко, расставляя точки над i. — Цветочными, древесными, травяными. Использую смолы и бальзамы. Минералы нужны в моём деле лишь в виде тончайших пудр как фиксаторы аромата, не более. Об украшениях, о каких-либо кристаллах в качестве артефактов... понятия не имею. Это совсем не моя стезя.

Он молча смотрел на неё. Его пронзительные серые глаза, казалось, просвечивали девушку насквозь, взвешивая каждое слово, каждый жест, каждое изменение в ритме дыхания. Огнев внезапно пошатнулся. Он не потерял равновесие, но его лицо на мгновение исказилось, а рука невольно дернулась к груди. Он быстро остановил этот жест, с усилием опустив руку вдоль тела и сжав её в кулак. Но Лиза заметила это и снова ощутила новый, острый и болезненный импульс, исходящий от него. Это была боль. Холодная, выедающая, знакомая ей до дрожи... Остаток магии хаоса. Магии распада и небытия. Раны, которые не заживают.

Её собственная магия, направленная на сохранение и гармонию, отозвалась вдруг странным, щемящим желанием — подойти, прикоснуться, влить в этот холод каплю своего тепла, своего порядка. Она снова сжала пальцы в кулак под прилавком, до боли вдавив ногти в ладони, но легче не стало.

— В таком случае, приношу свои извинения за беспокойство, — произнёс Огнев, и в его голосе наконец прозвучала усталость. Болезненная, глубокая, которую он, видимо, больше не

был в силах скрывать. Рвано выдохнув, сыщик взялся за свой котелок, лежавший на прилавке. — Если вдруг услышите что-либо... в кругах коллекционеров или специалистов... Меня вы всегда сможете найти на Гороховой, 2. В Особом отделе. Аристарх Огнев.

Он уже повернулся к выходу, когда его острый взгляд скользнул по прилавку и на долю секунды задержался на том самом квадратном конверте. На буквах «К.С.». Огнев замер. Прищурился. Дрогнули хищные ноздри его крупного носа. Но он ничего не сказал, только лишь медленно кивнул на прощание и вышел, снова впустив в лавку порыв ледяного ветра и уличный шум.

Дверь закрылась.

Лиза долго стояла неподвижно, слушая, как его тяжёлые, мерные шаги по мостовой затихают за дверью. Потом медленно опустилась на высокий табурет за прилавком.

В ушах ещё звучал его низкий, хриловатый голос. На кончиках пальцев ещё ощущался отзвук той странной, болезненной вибрации, что исходила от Огнева. Перед глазами стояло его бледное, измученное лицо.

«Горная слеза»... Загадочный заказ на «забвение» от неведомого «К.С.»... И следовательно с раной, от которой веяло холодом смерти и тем страшным, до боли знакомым ей эхом.

Предрождественский вечер сгущался за матовым стеклом витрины, неся с собой не только запахи праздника, но и едва слышный шёпот уже надвигающейся бури. Бури, в эпицентр которой, сама того не ведая, только что ступила Елизавета Одинцова.

Она взглянула на конверт. Потом на дверь, за которой растворился следователь Огнев.

И впервые за все последние годы её безупречное, ледяное спокойствие дало глубокую трещину.

¹ **Восьмая линия Васильевского острова** — одна из основных продольных улиц Васильевского острова в Санкт-Петербурге, историческая застройка.² **Горелка Бунзена** — лабораторный прибор для получения регулируемого газового пламени, названный в честь Роберта Бунзена.³ **Английская набережная** — одна из самых престижных набережных Санкт-Петербурга на левом берегу Невы.⁴ **«Англетер»** — известная петербургская гостиница (гостиница «Англия»), располагавшаяся на Исаакиевской площади.

Глава 2. Досье фон Адельберга

24 декабря, около четырёх часов пополудни.

Обратный путь с Васильевского острова на Гороховую улицу был предсказуемо долгим и безрадостным. Аристарх Мартынович отпустил свой мотор и теперь шёл пешком, не торопясь ловить извозчика. Морозный воздух обжигал лёгкие, но эта боль была и привычной, и благотворной — она отвлекала от другой, внутренней, той, что тлела под рёбрами.

Глядя на льдистую, белую гладь Невы, он шёл по Николаевскому мосту¹. Ветер рвал с гребней снежных сугробов позёмку, алмазной пылью сверкавшую под фонарями. Город по обеим сторонам реки постепенно зажигал огни — в окнах, в фонарях, на ёлках. Предпраздничная суeta на улицах всё нарастала, но Огнев проходил сквозь неё, как сквозь призрачную декорацию, не замечая ни смеха, ни звонких людских голосов.

Его мысли не покидал образ молодой женщины, Елизаветы Петровны Одинцовой. Спокойна и собрана через чур. Когда он показал ей жетон сыскальной полиции, в красивых льдистых глазах парфюмерши не мелькнуло ни капли страха. В её взгляде он заметил удивительную сосредоточенность и внутреннюю готовность к защите, что поразило опытного сыщика.

А ещё её пальцы — красивые, изящные, длинные и ухоженные. Не руки торговли, отнюдь. Одет владелица лавки была пусть и скромно, но вовсе не дёшево и со вкусом. Буквально во всех её сдержанных жестах читалось хорошее воспитание. Даже запахи в лавке... Не просто смесь ароматов. В них чувствовалась система. Порядок. Да, это слово идеально подходило и к самой Одинцовой, и ко всему её окружению.

Но было ещё кое-что. Нечто неуловимое, что заставило его собственную, нанесённую магией рану на мгновение отступить, будто прислушиваясь.

Этот конверт: «К.С.» и реакция женщины на него. Когда Огнев вошёл, то успел уловить пусть не страх, но глубокую, личную тревогу.

«Горная слеза»... Никак не мог он понять, почему кража этого бесполезного артефакта привела именно сюда, в лавку магических ароматов. Столичные парфюмеры вряд ли занимаются скупкой краденого. Зачем это им?

Но внутренний голос, тот самый инстинкт, который не раз выручал его, настойчиво подсказывал: *здесь что-то есть. Нужно лишь найти эту связь.*

Когда Аристарх наконец свернул на Гороховую, в окна здания сыска уже горел свет. Тусклый и скупой. Медленно поднимаясь по знакомой, отполированной тысячами ног лестнице на второй этаж, в свой отдел, Огнев невольно прислушался. В коридорах царила мёртвая тишина — лишь из-за двери дежурного доносился храп сбежавшего с поста будочника. Все, кто мог убежать, разбежались.

В своём кабинете Огнев медленно снял пальто, аккуратно повесил его на вешалку, зябко поёжившись, потёр замёрзшие руки. Боль в груди, притушённая морозной прогулкой, снова напомнила о себе, зло и настойчиво. Отмахнувшись от неё, Аристарх сел за стол и потянулся к стопке дел, ожидающих разбора, — и остановился. Образ Елизаветы Петровны Одинцовой не отпускал. Что же с ней было не так? Обычная...

«Нужно навести справки», — пробормотал он в тишину кабинета. Хорошая, но не слишком своевременная идея. Главный архив был заперт, а архивариус, старик Гордеев, уехал в Стрельну к родным ещё вчера. Мысль ждать до окончания праздников, до Крещения, была нестерпима. Это же целая вечность. След может остыть, преступник — скрыться. И тогда... Он не знал, что тогда. Но нутром сыщика чувствовал — ничего хорошего.

С трудом поднявшись на ноги, Аристарх направился к своему личному архиву, который представлял собой два высоких шкафа, плотно заставленных папками. Это была его собственная коллекция документов, собранная за долгие годы. Здесь хранились черновики, заметки,

сделанные на полях газет, вырезки, освещавшие значимые магические события, копии важных протоколов и личные наблюдения. Хаос, понятный только ему.

Огнев немедленно приступил к проверке, опираясь на мысленный алфавитный список. «Одинцова», — медленно произнёс про себя и нырнул в свой архив, словно шука под лёд. И уже очень скоро он обнаружил, что в архиве отсутствуют упоминания о какой-либо Одинцовой. Ни в контексте дел о всякого рода мошенничествах, ни в перечне лиц, приписанных к наблюдению, ни даже среди разношёрстных владельцев магических учреждений. Следовательно, она либо вовсе чиста, либо её следы были тщательно уничтожены.

Откинувшись в кресле, Аристарх рвано выдохнул и устало зажмурился, давя пальцами на переносицу. Что-то щёлкало на задворках сознания. Не имя, а... ассоциация. Лёд. Холод. Та самая «Горная слеза» — кристалл, связанный с иллюзией свежести, с заморозкой, с консервацией. И та женщина с её ледяным спокойствием, с лавкой, где пахло... чем? Смолами. Свежестью. Холодом.

И вдруг в памяти всплыло другое, порядком уже позабытое дело. Из тех, что он сам вёл вполсилы. В то время, когда после смерти жены был лишь тенью себя самого. То, которое он с облегчением передал молодому и амбициозному Брису. Дело о «Ереси холода».

Огнев медленно наклонился и выдвинул нижний ящик шкафа, где хранились папки за 1895–1900 годы. Ещё четверть часа он рылся в них, отбрасывая в сторону дела о контрабанде зачарованных икон, о секте огнепоклонников в Сестрорецке, о серии дерзких краж артефактов из запасников Эрмитажа... И наконец его пальцы наткнулись на тонкую, потрёпанную папку в картонной обложке. На ней его почерком было выведено: «Фон Адельберг. Алхимия. «Ересь холода»? (Брис)».

Вот оно.

Нервно дёрнув за узел завязок, развернул папку. Внутри её не было официальных копий процессуальных документов — те остались в основном деле. Зато здесь были его личные заметки, сделанные на полях газетных вырезок, обрывки служебных записок и несколько визитных карточек, случайно затерявшихся среди бумаг.

Прислонившись бедром к краю стола, Огнев невесело усмехнулся. Он вспомнил. Дело было громким, а завершилось — суетно и гнило. Одной бумажной шелухой оно завершилось.

Глава старинного остзейского² рода, барон Петр Оттович фон Адельберг, известный алхимик и исследователь криомагии, обвинялся в проведении запрещённых опытов по «отделению душ от телесной оболочки» и «искушению вечности жизни» с помощью магии. В прессе, с подачи полиции, это нарекли «попыткой создания гомункулов» или, того хуже, «заговором с целью даровать бессмертие избранным, остановив для них время». Пахло государственной изменой, богохульством и нечеловеческой гордыней.

Аристарх перелистывал страницы, и к горлу подступало горькое, едкое чувство стыда. Он смотрел на эти бумаги и видел теперь не столько фигуранта, сколько себя самого. Себя — выгоревшего, опустошённого сыщика, который от страха заглянуть в собственную бездну предпочёл отойти в сторону. Лишь бы себя лишний раз не тревожить.

Воспоминания всё всплывали... Тогда, после Саши... после того рокового выстрела, оборвавшего её жизнь и ввергнувшего его в дикий ад, он был вовсе не человеком, а куклой. Ходил, говорил, даже приказывал — а внутри лишь гулял ветер. Какие уж там бароны, какие опыты...

Дела шли своим чередом, бумаги подписывались, допросы велись, но заслуги его в этом не было — одна лишь привычка. Когда дело фон Адельберга поступило в его производство, он лишь мельком взглянул на объёмные тома, на витиеватые формулы, и... махнул рукой. Не до того ему было. Слишком сложно.

И с облегчением передал его для «энергичного расследования» молодому, амбициозному и беспринципному приставу Александру Людвиговичу Брису. Мерзавцу. Карьеристу. Твари, которая уже тогда славилась умением «раскручивать» громкие дела и потчевать начальство

удобными результатами. А он... он позволил. Знал же, знал, на что тот способен! И всё равно отдал.

Как раз тогда в его заметках и появились первые пометки, полные ядовитого скепсиса: «Свидетели из лаборатории барона меняют показания на допросах у Бриса». «Лабораторные дневники фон Адельберга найдены слишком уж вовремя и удивительным образом содержат обрывки записей, явно вырванные из контекста». «Заключение экспертной комиссии Академии наук носит явно предвзятый характер, полностью игнорируя объяснения обвиняемого».

Он тогда, кажется, даже собирался вмешаться, запросить независимую перепроверку из Московского университета... но... Сил не стало совсем. Боль потери и собственное оцепенение заглушили последние проблески чувства долга. Огнев махнул рукой. *Пусть Брис блещет и дальше.* А он... он заливал своё горе дешёвым портвейном в пустом кабинете, пытаясь заглушить голос совести, который твердил: «Ты предаёшь. Своё дело, свою правду. Себя самого. И Сашу ты тоже теперь предаёшь». Трус. Подлец, так удобно прикрывшийся своим горем.

И Брис блеснул. Дело было «раскрыто» с поражающей воображение быстротой. Барон умер в доме предварительного заключения ещё до суда — от сердечного приступа. Семья его была разорена конфискациями, имя же опозорено. Александр Людвигович Брис получил долгожданную награду, повышение чина, благодарность от самого градоначальника и вскоре совершил красивый прыжок из сыскной полиции в престижное Отделение по охране общественной безопасности и порядка, где и сделал головокружительную карьеру на умении «наводить порядок» любыми средствами.

Аристарх мрачно усмехнулся, представив, как именно Брис вёл это дело: давление на свидетелей, подтасовки улик, игра на страхах начальства перед «магической смутой» и «присками инородцев». Известные методы.

Он закрыл папку, и рука его снова потянулась к груди. Боль там отозвалась на его мысли расплывающимся холодом. Он чувствовал, как магия хаоса в его ране отзывается на это открытие, будто нашла родственную, ледяную вибрацию.

Он провалил это дело тогда. Не защитил невинного, позволил карьеристу и мерзавцу плюнуть в лицо самому правосудию. И теперь, годы спустя, плоды этого пожинает он же. Лиза Одинцова... А при чём тут Одинцова? И впрямь... Но на её правой руке Огнев заметил тоненькое обручальное колечко. Значит, фамилия эта по мужу. А девичья?

Сердце вдруг бешено застучало. Опираясь о стол, Огнев правой рукой потянулся к самому новому, прошлогоднему справочнику «Весь Петербург», лежавшему рядом на полке. Листал, листал толстые страницы... и нашёл.

«Одинцова, Елизавета Петровна (урождённая фон Адельберг). Владелица парфюмерной лавки «Ароматы магии». Адрес: В.О., 8-я линия, д. 15».

Не подвела его чуйка.

Всё разом встало на свои места. Ледяная выдержка парфюмерши — это не природное спокойствие. Это наследие семьи, раздавленной катком имперского правосудия, где главной шестерёнкой стал Александр Брис. Елизавета Петровна не просто какая-то парфюмерша. Она дочь лифляндского барона, выжившая и нашедшая способ скрыться на самом виду, в мире ароматов, так тесно связанном с тонкой алхимией. А теперь кто-то крадёт артефакты, связанные с криомагией. «Горная слеза»... Этот небольшой артефакт был непременным и обязательным ингредиентом во многих её ритуалах. Прямое указание на работы покойного Адельберга по криостазу — приостановке жизненных процессов.

Или это обычная паранойя? Нет. Нет. Елизавета не выглядела испуганной, но... Встревожена она совершенно определённо была.

Дверь кабинета с грохотом распахнулась, ударившись о стену. В проёме возник его помощник, младший сыщик Ипполит Валерьянович Зубов. Он был взволнован и запыхался. На плечах рослого молодого человека был снег, а шапка-ушанка съехала набок.

— Аристарх Мартынович! — выпалил он, едва переведя дух. — Только что по телеграфу из участка Василеостровской части! Новая кража! С взломом и... и со странными следами!

Огнев медленно опустил папку на стол и поднял взгляд на Зубова. Боль в груди стала острой, пульсирующей. Снова Васильевский остров.

— Где? Что похищено? — его собственный голос прозвучал странно глухо.

— Кабинет приват-доцента³ Императорского университета, Павла Игнатьевича Кривошеина! Девятая линия, дом двенадцать! Похищен... — Зубов лихорадочно залез в карман и вытащил смятую телеграфную ленту, — «магнитно-кристаллический компас, известный как «Указатель точек зимнего покоя». Артефакт второй категории! И... на месте, говорят, следы! Иней на полу, на книгах, даже на потолке! При водяном отоплении! Взлом тоже грубый, а дверь странно расколота, будто бы треснула!

«Зимний покой». Снова это. очередной артефакт, связанный с криомагией. Такое совпадение не могло быть случайным. Всё выстраивалось в цепочку: «Горная слеза» (создание иллюзии свежести, заморозка) — «Компас точек зимнего покоя» (поиски подходящего места). Похоже, кто-то целенаправленно собирает эти артефакты для чего-то масштабного. *Или ему опять это кажется? Всего лишь две кражи. Капля в море...* Всё же застряла у Огнева в голове эта невзрачная парфюмерша.

— Едем, — коротко бросил он Зубову, уже снимая с вешалки пальто. Боль в груди тут же воткнулась под ребра, но он стиснул зубы и отмахнулся от помощи. — Вызывайте мотор. Немедленно.

— Так-с, ждут только вас, я им строго велел не глушить!

◆◆◆◆◆

¹ **Николаевский мост** — старое название Благовещенского моста (позже моста лейтенанта Шмидта) через Неву в Санкт-Петербурге.

² **Остзейский род** — род, происходящий из остзейских (прибалтийских) губерний Российской империи, часто немецкого дворянского происхождения.

³ **Приват-доцент** — учёное звание и должность преподавателя в университетах Российской империи, имеющего право самостоятельного преподавания, но не входящего в штат профессоров.

◆◆◆◆◆

Глава 3. Иней в тёплой комнате

24 декабря, около семи часов пополудни.

Мотор «Руссо-Балт»¹ пыхтел и гремел, продираясь сквозь густеющие сумерки и насыпавшийся за день колючий снег. Огнев сидел на заднем сиденье, сжав челюсти до боли, упорно пытаясь не издавать ни звука. Каждый толчок на мостовой отдавался в груди пронзительным ударом, будто невидимая рука ворочала там ледяной осколок. Он смотрел в заиндевшее стекло, но видел отчего-то не домовые фасады, а ледяные глаза Одинцовой и её тонкие пальцы, лежавшие на прилавке.

Нужно было подумать о чём-то другом. «Девятая линия, дом двенадцать. Типография внизу, жилые помещения наверху. Кабинет приват-доцента Кривошеина». Информация эта ложилась, как патроны в обойму, но целиться он не спешил.

На переднем сиденье рядом с водителем сидел Ипполит Зубов. Энергичный молодой сыщик постоянно вертелся, явно желая что-то сказать, но, видя суровое выражение лица Огнева, лишь тяжело вздыхал, хмурился и отворачивался к окну.

Мальчишка боготворил Аристарха. Его восхищало в начальнике всё: и холодная логика, и безошибочное чутьё, и несгибаемая воля. И, как это часто случается, юный Зубов даже не догадывался, что скрывалось за этими впечатляющими качествами...

Тяжело придётся ему, если... когда Аристарх наконец займёт своё место на Смоленском кладбище.

Эта привычная мысль почему-то сегодня не обрадовала и не принесла облегчения. *Она-то ведь как-то выжила. Дочь фон Адельберга. И скрывается. Замужняя женщина и сама служит в лавке. А где её муж? Кто теперь собирает артефакты её отца? Зачем? Кто этот «К.С.»? И при чём тут она — парфюмерша?* Вопросы, вопросы...

Мысли путались, сплетаясь с болью, но одна была ясна: он должен разобраться во всём самолично. Не отдавать дело Брису. Не прятаться в своей скорлупе, как испуганный моллюск. Та ошибка обернулась теперь новым делом.

И, кажется, снова вело его к ней.

«Горная слеза» — «Компас зимнего покоя». Лёд. Остановка. Заморозка. И она... Одинцова. Урождённая фон Адельберг. Не просто совпадение.

Мотор резко дёрнулся и замер у тротуара. Зубов выпрыгнул первым, распахнув дверцу.

— Здесь, Аристарх Мартынович.

Перед ними стоял приземистый и солидный каменный дом. Первый этаж занимала типография — глухие ворота с вывеской «Типо-литография Штафа». У парадного подъезда, слабо освещённого коптящим керосиновым фонарём, замерло несколько колоритных фигур: городской в шинели и чёрной мерлушковой шапке с белой номерной бляхой, дворник в замасленном тулупе и, отчего-то, с метлой, да двое штатских — один сонный фотограф, обнимающий аппарат на треноге, другой, молодой и перепуганный, с канцелярской папкой под мышкой. Видимо, писарь. Зачем его вытащили сюда?

У перекрёстка маячила фигура околоточного надзирателя. Важно надутый, с лихо закрученными усами, на сыщиков он посматривал с явной растерянностью. И было отчего. Ему больше привычны обычные кражи да драки, пьяные дебоши. А тут... магия.

— Сыщик Зубов и старший чиновник Аристарх Мартынович Огнев. Особый отдел, сыскная полиция! — отрекомендовался Ипполит, помогая начальнику выйти. Огнев, преодолевая волну дурноты, выполз, с трудом опираясь о дверцу. Морозный воздух ударил в лицо, прочищая сознание. Ответив коротким кивком на почтительные приветствия, взял у Зубова фонарь и тяжёлой походкой направился к подъезду. Боль отступила на второй план, уступив место азартной сосредоточенности.

— Показывайте, — бросил он, пристально глядя на дверь. Голос прозвучал сухо и отрывисто. Начальственно, как и должно.

Городовой, щёлкнув каблуками, отрапортовал:

— Вломились в кабинет на втором этаже, ваше благородие. Хозяин, господин Кривошеин, был на службе, в университете. Вернулся к четырём. Увидел, что дверь в кабинет, считай, снята с петель, внутри беспорядок. Ничего, кроме одного прибора, не пропало. Сам потерпевший внутри, в состоянии, можно сказать, лёгкого помешательства. Отпаивается валерьянкой.

— А пойдёте-ка с чёрного хода, — неожиданно произнёс Огнев, решительно кивнул ошалевшему дворнику и, не глядя на Зубова, двинулся следом за ним.

Спиною он чувствовал, как взгляд помощника пристально следит за каждым его движением, но старательно игнорировал это. Слабость показывать было нельзя.

Чёрная лестница оказалась узкой, крутой и плохо освещённой. Каждый шаг вверх давался с трудом. Притихшая боль снова медленно поднялась из-под рёбер. Зубов шёл позади, на всякий случай незаметно придерживая Аристарха под локоть. Тот скрипнул зубами, но не отстранился. Не время для глупой бравады.

За поворотом длинного коридора на втором этаже их встретила странная картина. Массивная дубовая дверь, ведущая, судя по всему, в кабинет, была... расколота. Не взломана и не выбита. Она лопнула пополам, вдоль волокон, как мороженое бревно. Одна половина ещё болталась на петлях, другая стояла прислонённой к стене, и обе были густо покрыты изморозью.

— Снимите это, — тихо приказал Огнев городовому, указывая на висящую створку. Тот, переглянувшись с дворником, упёрся в дверь плечом. Раздался сухой треск, и половина двери с глухим стуком рухнула на пол, тут же рассыпавшись на мелкие, покрытые инеем щепки.

— Матерь Божья... — пробормотал догнавший их фотограф, судорожно крестясь.

— Глупость какая-то несусветная... — строго глядя на покрасневшего городского, произнёс Аристарх. — Я же просил её снять! А не рушить.

Дворник фыркнул, фотограф попятился, натолкнувшись на писаря.

Огнев переступил порог кабинета и сразу почувствовал холод. Это был не обычный сквозняк от окна (оно было закрыто), а особенный, сухой, пробирающий до костей.

— Криомагия², — ровным тоном произнёс Аристарх, обращаясь больше к Зубову. — Вор использовал направленный импульс магии холода. Древесина двери вся промёрзла насквозь, потеряла гибкость и прочность. После этого оставалось немного нажать, и дубовая дверь сложилась, как картонный домик.

— Но зачем так шуметь? — недоумённо спросил Ипполит. — Можно же было привычно и тихо, отмычкой...

— Думаю, дело в том, что наш неизвестный грабитель — не вор в привычном смысле. И отмычки ему не знакомы... К тому же, искали конкретную вещь. И нашли её именно так. Это был своего рода зов. Ледяной зов. И артефакт, чувствительный к этому виду магии, отозвался.

И этот некто явно знал, что и где ищет...

Кабинет был типичной берлогой учёного — заставленный, немного захламлённый, но жилой. Книжные шкафы до потолка, тяжёлый письменный стол, заваленный бумагами и приборами, глобус, странные механические устройства на полках.

Всё здесь было покрыто инеем. Он серебрился при свете магического фонаря на корешках книг, лежавших у внешней стены. Тонким, причудливым узором покрывал стёкла книжных шкафов изнутри. Висел пушистой бахромой на погашенной люстре.

Посреди комнаты, у массивного дубового стола, на тёмном паркете отчётливо проступало белое кристаллическое пятно, от которого лучиками расходились ледяные дорожки. Прямо за ним возвышался большой застеклённый шкаф-витрина. Одно из стёкол было выбито, осколки лежали веером на полу и на нижних полках. Внутри шкафа не было ничего.

— Сюда не ходили? — резко спросил Огнев, указывая на пятно.

— Никто, ваше высокоблагородие! — засуетился тот самый городской, что выбил несчастную дверь. — Как обнаружили, так и оцепили. Ждали вас.

Огнев хмыкнул и, приблизившись, медленно присел на корточки. Боль в груди снова ёкнула, но он отодвинул её. Выключил фонарь. Иней под тусклым светом, падавшим из-за отдёнутой шторы, заискрился тысячами крошечных звёздочек. Он был не просто замерзшей водой. В его кристаллах, острых и правильных, угадывалась странная геометрия. Огнев осторожно провёл пальцем в перчатке по краю пятна. Холод обжёг кожу даже сквозь лайку. Острое ощущение пустоты, небытия, вымораживающего саму жизнь.

Высшая магия. Не обычное чародейство, на уровне кухонных ледников, а нечто... опасное и разрушительное.

— Ничего ж ведь другого не тронули! — у него за спиной раздался нервный, срывающийся голос. Из глубины комнаты двигался пожилой сухонький человек в длинной шубе и бархатной ермолке. Лицо его было землистого цвета, взгляд беспокойным. — Только компас! Остальные инструменты, редкие книги, даже деньги в столе — всё нетронуты! Зачем им этот старый, никому не нужный прибор? Он лишь указывает зоны магического спокойствия, благоприятные для... для...

Под пристальным взглядом Огнева старик сбился и отчего-то закашлялся.

Зубов, тут же открывший свой верный блокнот, зачитал:

— Артефакт, именуемый «Указатель точек зимнего покоя»³, или компас Келлера. Представляет собой магнитную стрелку, магическим образом впаянную в прозрачный кристалл горного хрусталя, внутри которого взвешены частицы серебра и вечной мерзлоты. При активации магией крио-спектра указывает направление на места с наивысшей геомагической стабильностью для проведения ритуалов заморозки, консервации или... — Он запнулся, подняв взгляд на начальника. — ...или «временной остановки процессов течения жизни».

Снова эта терминология. Снова эта навязчивая идея — остановить, заморозить и сохранить.

— Это же чистая теория! — поправляя сползающую ермолку, простонал хозяин кабинета.

— Полно вам, Павел Игнатьевич, — сказал Огнев, и его ровный голос, казалось, подействовал на учёного успокаивающе. — Расскажите мне о самом артефакте. Подробно.

И ещё битых четверть часа Кривошеин, теребя край шубы, повествовал о «Компасе точек зимнего покоя». Огнев, слушавший его вполуха, медленно обходил кабинет. Он ничего не трогал, лишь внимательно изучал каждую мелочь. Его взгляд остановился на полу рядом с витриной. Среди осколков стекла что-то сверкнуло необычным, тёмным светом. Это был небольшой осколок, но не от витрины, а цветной — тёмно-синий с зеленоватым оттенком.

— Снимите всё, только когда мы здесь закончим! — краем глаза заметив протискивающегося в кабинет фотографа, рывкнул Зубов. Вцепившись в треногу, тот на мгновение замер, как мышь под котом, потом громко пискнул и вылетел в коридор. Писаря там уже не было.

Аристарх наклонился пониже, тщетно пытаясь рассмотреть свою находку. В тот же миг мир словно покачнулся. Внезапно боль в груди вспыхнула ослепительно-белой вспышкой, обжигая изнутри. В ушах зазвенело, и он ясно услышал тяжёлый вздох Зубова:

— Аристарх Мартынович...

Огнев с трудом выпрямился. Его лицо побледнело, а на висках и лбу проступили капли холодного, липкого пота.

— Всё в порядке, — сквозь сжатые зубы с трудом выдавил он. — Продолжайте, Павел Игнатьевич.

Сосредоточиться становилось всё сложнее. Он заметил, как Зубов переводил взгляд с него на профессора, а городской и дворник тихо переговаривались между собой.

— ...И следы, ваше благородие, — вдруг сказал дворник, татарин с умными, чёрными, как сливы, глазами, кивая на пол. — Да не простые. Глядите-ка.

Огнев заставил себя опустить взгляд. На заиндевевшем паркете, рядом с осколками, действительно виднелись несколько расплывчатых отпечатков. Они были странной формы, словно ноги были обёрнуты в тряпье или мешковину.

— Мешковиной обул, — толково пояснил дворник. — Чтоб следов не было. А они всё равно есть. Снег, потому что налип, тут растаял.

Молодец, наблюдательный, надо будет его поощрить, — мелькнуло в сознании Огнева. Но мысли его уже плыли, застряв в ледяной паутине. Горьковато-сладкий запах... Полынь и мирра... Лавка на Восьмой линии... «К.С.»...

Аристарх пошатнулся, отступив на шаг назад. Он попытался ухватиться за дверной косяк, но нога подвернулась, наткнувшись на мелкие обледенелые щепки. Мир вокруг накрепко накренился.

— Шеф! — Зубов стремительно рванулся вперёд, едва успев подхватить его за плечи, прежде чем тот тяжело рухнул на промёрзший, хрустящий пол. Огнев оказался неожиданно тяжёлым, словно мешок с песком.

— Упился, поди, — негромко проворчал дворник, качая головой. — И на службу же ходят...

— Молчать, болван! — рявкнул на него Зубов, забыв о всякой субординации. Глаза его полыхали от гнева. — Он же раненый! Контуженный! Как ты можешь такого не замечать, пустая твоя голова!

Аристарх попытался что-то сказать, но из горла вырвался только хрип. Он был ещё в сознании, но тело не слушалось, и белая, ледяная волна страшной боли накрывала его с головой.

— В госпиталь... надо бы, — испуганно прошептал городской, пытаясь помочь приподнять его.

— Нет... — с невероятным усилием выдохнул Огнев. Его пальцы, холодные и слабые, вцепились в шинель Зубова. — Не госпиталь... Тётка твоя... вроде близко... Помнишь? Ты говорил. На Седьмой... Просто прилечь мне... на час... И горячего чаю. Очнусь — и назад...

Он не мог допустить, чтобы его снова уложили в белую палату Академии. Там будут поить бесполезными зельями, задавать вопросы. Он не мог снова терять время. Это дело опять отдадут... Он должен его непременно распутать. Дело чести. Осколок синего стекла... Запах... Связь...

Зубов колебался лишь мгновение. Потом громко вздохнул и кивнул. Веснушчатое лицо его стало жёстким, решительным.

— Понял. К тётке так к тётке. Помогите его донести до мотора! — скомандовал он городовому.

Тот, недоумённо пожав плечами, принял Огнева под другой локоть. Вместе они, почти волоком, вынесли его из ледяного кабинета вниз по широкой главной лестнице на каменное крыльцо. Фотограф и писарь провожали их растерянными взглядами.

Усадив начальника в мотор, Зубов обернулся к городовому.

— Никому о произошедшем ни слова. Дом охранять. Оцепление не снимать. Профессора отпоить валерьянкой. Мы скоро вернёмся.

Он стремительно занял переднее сиденье, и автомобиль резко тронулся с места. Огнев откинулся на жёсткую спинку, сквозь мутную завесу видя размытые огни фонарей и тёмные контуры домов. Боль утратила остроту, превратившись в пронизывающий ледяной туман, медленно окутывавший его сознание.

В этот момент его тревожила единственная мысль: тот синий осколок, лежащий на полу... Он обязан был его забрать. А этот запах... Он исходил не из комнаты. Так знаком. Ключ ко всему.

Затем туман стал ещё гуще, и он погрузился в него, не в силах сопротивляться.

◆◆◆◆◆

Седьмая линия Васильевского острова, дом двенадцать, квартира пять.

Старая дева Аглая Семёновна, тётка Ипполита, женщиной была решительной и лишних вопросов не задавала. Увидев на пороге запыхавшегося племянника с бесчувственным, бледным мужчиной на плече, она лишь молча кивнула и махнула рукой в сторону своей скромной гостиной.

— На тахту. И раскрой мне его, Ипполит.

Общими усилиями они уложили Огнева, и Аглая Семёновна приложила жилистую, узловатую ладонь к его лбу, пальцами другой сноровисто нащупывая запястье. — Лихорадит. И пульс слабый. Не простуда. Рана магическая у него, верно старая?

— Да, тётя, — Зубов стоял посреди комнаты, беспомощно опустив руки. — Год тому как. Точно магическая. На Дворцовой зашибло осколком. Помереть сразу не дали, а теперь вот всё мучается. Никто не в силах помочь. Врачи только разводят руками.

— Магическая... — женщина скептически хмыкнула, проведя пальцем по тёмному, простому кресту на груди. Она была из староверов и к магии относилась с большим недоверием. — Ну, раз эскулапы не берутся... Сбегай-ка к той парфюмерше, что на Восьмой линии лавку держит. Барышня Одинцова. Говорят, руки у неё золотые, запахами хвори все гонит. Попробуй. Чай, не хуже твоих врачей будет. А я тут оботру его уксусом, может, жар и спадёт.

Ипполит встrepенулcя.

— Сбегаю, тётя. Приглядите пока что за ним, а я мигом.

Он быстро накинул шинель, натянул ушанку и выбежал на улицу, где царила морозная, почти чёрная ночь. Снег громко хрустел под его сапогами, словно битое стекло. Он мчался вперёд, не ощущая ни усталости, ни холода, ведомый лишь странной надеждой. *Сегодня волшебная ночь. Должно же и Огневу наконец повезти!* В окнах лавочки на Восьмой линии всё ещё горел одинокий, тёплый свет.

Зубов постучал. Сперва робко, потом всё настойчивее. Дверь приоткрылась, и в щели за цепочкой показалось бледное, настороженное лицо Елизаветы Одинцовой.

— Барышня... госпожа Одинцова... — выдохнул молодой сыщик, цепляясь за косяк. — Помогите... Мой начальник, чиновник сыска Огнев... ему очень плохо. Тётка сказала, вы можете помочь...

Лиза молча смотрела на него. Её взгляд быстро скользнул по форменной чёрной шинели, по ярким серебряным галунам...

— Где он?

— У моей тётки, на Седьмой линии, двенадцать, квартира...

— Проводите сами. Ждите здесь. Я возьму кое-что.

И уже через пару минут она вышла, уже в куньей шубке и шапочке, с небольшим, но увесистым кожаным саквояжем в руках. — Ведите.

Они отправились в темноту, навстречу метели, оставляя позади жёлтый прямоугольник окна лавки, который в этой зимней ночи напоминал свет одинокого судна, затерявшегося в бескрайнем ледяном океане.

◆◆◆◆◆

¹ «Руссо-Балт» — марка российских автомобилей и аэросаней, выпускавшихся Русско-Балтийским вагонным заводом в Риге и Петербурге (1909—1918).

² **Криомагия** — вид магии, связанный с манипуляцией холодом, льдом и низкими температурами.

³ **Геомагическая стабильность** — состояние участка земной коры, где естественные магические потоки сбалансированы и не подвержены резким колебаниям. Такие места особенно ценны для проведения сложных ритуалов, требующих длительной концентрации и стабильности магического поля.

Глава 4. Доверие на кончиках пальцев

Седьмая линия Васильевского острова, дом двенадцать, квартира пять, около восьми часов вечера.

Крохотная гостиная одинокой мещанки. Вязаные салфетки на стульях, выцветший старый ковёр с геометрическим узором и киот¹ с потемневшими иконами в углу. В воздухе витали запахи нафталина, ладана и праздничной куты.

На низкой тахте лежал Огнев.

Он не спал и не бредил в привычном понимании этого слова. Сознание сыщика плавало в липком, холодном тумане, где обрывки реальности — голоса, скрип половиц, запах уксуса — смешивались с призрачными видениями. Он чувствовал, как по лбу и груди движется прохладная мягкая суконка, слышал звук женского голоса: «Ну-ну, терпи, голубчик, терпи... Грех это, грех...»

Аглая Семёновна, невысокая и сухонькая, с лицом, напоминающим запечённое яблоко, в строгом тёмном платье и белоснежном накрахмаленном переднике, аккуратно протирала его кожу уксусным раствором. Она действовала без излишней мягкости, но и без неприязни.

— Ипполита послала, — ворчала она себе под нос. — К парфюмерше этой... Баловство одно. Хворь магическая — она ж духовная! Хоть и слышно, руки у неё лёгкие...

В соседней комнате тикали настенные часы, отмеряя минуты, каждая из которых казалась Огневу вечностью. Боль отступила, сменившись ледящим онемением. Он пытался шевельнуть пальцами — те не слушались. Попробовал открыть глаза — веки были свинцовыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.